

Актерское хобби

Бумажное кино

Анастасия ТОМСКАЯ

Сергей Чонишвили, один из ведущих артистов среднего поколения, главный голос в озвучивании многих телевизионных проектов, окончательно укрепился в еще одной ипостаси – писательской. Он выпустил уже две книги: «Незначительные изменения» и «Человек – поезд». Тиражи нешуточные, и типографиям даже (что и для более известных литераторов – редкость) приходилось печатать дополнительные несколько тысяч. Сегодня Чонишвили пишет свой следующий роман.

Когда-то, в конце девяностых, его первая повесть и стихи ходили по Москве в ксерокопиях. То был самый настоящий «самиздат», о котором в демократические времена уже позабыли: с первой ксерокопии делали еще штук пять экземпляров, и они расходились по сумкам и рюкзакам студентов-гуманитариев. Те передавали скрепленные степлерными скобками листки своим друзьям в аспирантуре физтеха, и, наконец, актер Чонишвили вполне закономерно стал модным писателем.

Доверять текстам клавиатуре компьютера он до сих пор так и не научился, всегда

пишет от руки – шариковой ручкой: «Мне так комфортно. Только так я точно знаю, где какой листочек лежит, в какой папке тот или иной фрагмент текста. Работаю с черновиками, постепенно переписывая с них набело». Тут Чонишвили чуть-чуть лукавит: он почти все свои тексты помнит, с удовольствием читая наизусть и прозу, и стихи. Читает он вроде бы и по-актерски, играя голосом и следя за интонацией, но ни на секунду не забывая о литературной, филологической стороне дела.

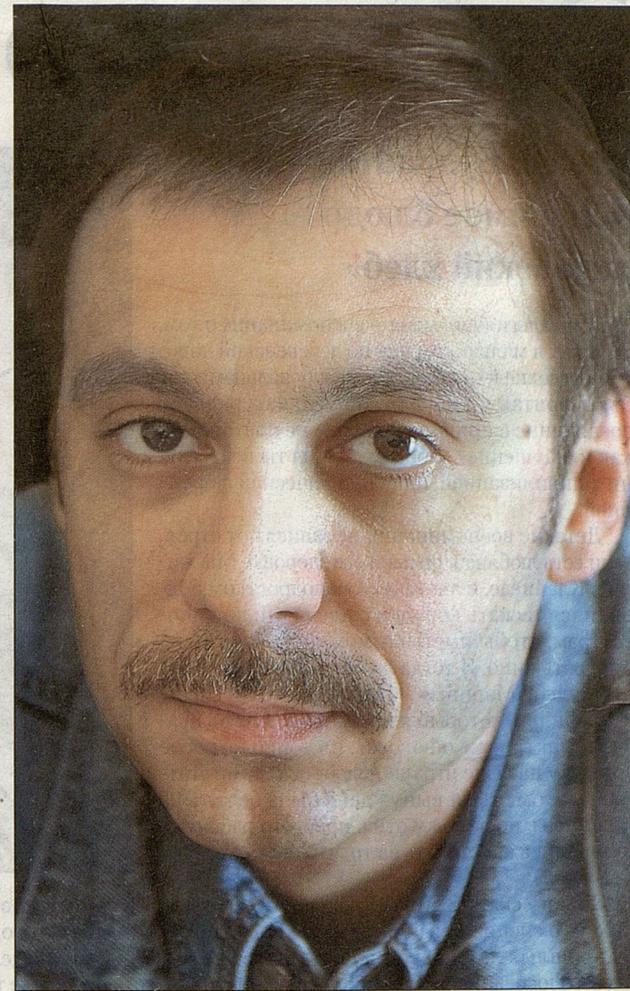
Любители его книг делятся ровно пополам: одна часть говорит, что в строчках скрыт глубокий пессимизм, а вторая утверждает, что подобный антидепрессант еще поискать. «Я никому ничего не желаю доказывать, а просто делать и на экране, и на театральной площадке то, что хочу. У режиссеров и продюсеров сложился мой образ – многократно сыгранный, тиражированный. Вдобавок уровень профессионализма сериальной среды в целом падает – это объективная ситуация. Мои книги – это некая возможность доиграть и сделать то, что хочется. Это кино на бумаге, скажем так».

Чонишвили не может однозначно ответить на вопрос, автобиографичны ли его

книги. С одной стороны, он пишет о тех людях, которых видит. Когда пишет, то смотрит особым глазом и на окружающих, и на самого себя. «Но глупо было бы утверждать, что главный герой – стопроцентный я, и все описанное со мной происходило. Однако в равной степени я имею отношение и к главному герою, и второстепенному, и женщине, и ребенку. Как говорил Лев Толстой: «Наташа Ростова – это я!».

Чонишвили не задумывается о своем месте в современной литературе, не знает, на сколько книжек его хватит. Но он пишет то, что хочет, «в удобном режиме». Он не завязан со сроками, деньгами и людьми. Кроме того, надеется, что высокие технологии не отобьют у людей желания взять в руки именно бумажное, а не цифровое издание.

Чонишвили говорит, что его тяготит состояние неписания. Он уверен, что если человек умеет слагать слова в предложения, то делает это по наитию: «не ты один водишь пером по бумаге, есть что-то свыше». Это своего рода бацилла. Он никуда бы не убежал от театра, и никуда не денется от этой бациллы, хобби, «переходящего в заболевание».

Игорь ЯКОВЛЕВ

123
Чонишвили Сергей
(шар) 11/11/05